

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3

С. Н. Чирун

РИСК В СОЦИАЛИЗАЦИИ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Феномен риска в социологии получил серьезное методологическое обоснование. По мнению А.П. Альгина, содержание риска неправомерно отождествлять только с возможными негативными последствиями или только с предполагаемым успехом. Он предлагает учитывать при осуществлении практических действий в ситуации риска:

- вероятность наступления желаемого результата;
- вероятность наступления нежелательных последствий в ходе выбора альтернативы и ее реализации;
- вероятность отклонений от выбранной цели.

По его мнению, «риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата» [1].

В.В. Павлова утверждает, что риск тесно связан с понятием ценности, угрозы или вероятности потерять то, что больше всего ценится индивидом или группой [2].

В социологическом энциклопедическом словаре риск определяется как: 1) возможная опасность; 2) ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствий в случае неудачи [3].

И.Т. Балабанов определяет риск как возможную опасность потерь, вытекающую из специфики тех или иных явлений природы и видов деятельности

человеческого общества [4].

Согласно В.С. Юкаевой, риск – это опасность возникновения ущерба [5].

По мнению А.И. Пригожина, риск есть затрата усилий, средств при неопределенности соотношении выигрыша и потеря, шанса на удачу и краха [6].

«Риск – это ситуативная характеристика деятельности, означающая неопределенность ее исхода, возможные неблагоприятные последствия, альтернативные варианты ошибок или успеха»[7].

«Рисковые решения принимаются в ситуации неопределенности и характеризуются особым типом взаимосвязи объективных обстоятельств и субъективной деятельности по их преобразованию» [8].

К источникам неопределенности социолог В.И. Цыгичко относит плохую организация статистической и информационной службы; отсутствие или недостаток знаний о закономерностях и механизме функционирования управляемого объекта и внешней среды; принципиальную невозможность надежной оценки тех или иных параметров управляемого объекта, например, человеческого фактора.

Исследователи выделяют несколько типов неопределенности, которые касаются:

- целей (задач), на которые следует ориентироваться (как по характеру, так и по их объему);
- обстановки, которая может сложиться в будущем;
- перечня средств, которые могут быть использованы

для достижения определенных целей;

- технико – экономических характеристик новых средств, которые будут созданы для выполнения определенных задач;
- показателей, которые отражают эффективность средств, имеющих определенные характеристики, в конкретных условиях; в конфликтных ситуациях проявляется неопределенность относительно поведения противостоящей стороны [9].

Хотя риск тесно связан с неопределенностью, но, как отмечают многие исследователи, ситуация риска качественно отличается от ситуаций неопределенных. В процессе социализации рисковая ситуация – разновидность неопределенной, когда наступление событий вероятно и может быть определено. К типичным признакам рисковых ситуаций В.С. Юкаева относит:

- величину потенциального ущерба (или выигрыша);
- вероятность наступления последствий принятого решения (неизбежность потери не является риском);
- альтернативность выбора (рисковать или не рисковать);
- неопределенность условий: чем она выше, тем больше риск;
- возможность управления риском;
- надежду на успех[10].

Для эффективной реализации программ и даже отдельных мероприятий молодежной политики риском необходимо

управлять, т.е. использовать различные меры, позволяющие в определенной степени прогнозировать наступление рискового события и принимать меры к снижению этого риска. Конкретность мер по управлению зависит от вида регулируемого риска – управленческого, социально-экономического или политического.

Деятельность агентов социализации, субъектов молодежной политики по управлению рисками называется политикой риска. Под политикой риска понимается совокупность различного рода мероприятий, имеющих целью снизить опасность ошибочного принятия решения и сократить возможные негативные последствия этого решения на стадии его реализации.

Влияние на внешнюю среду может включать воздействие на линию поведения субъектов политики, объекта решения, изменение условий решения. Приспособление к риску через фактор внутренней среды предполагает сбор дополнительной информации, разработку альтернатив, выигрыш по времени и ресурсам.

Субъекту власти важно установить, как влияет конкретный вид риска на эффективность социализации, результативность молодежной политики, каковы последствия риска, причем сначала следует оценить вероятность того, что некое событие действительно произойдет, а затем – как оно повлияет на положение дел.

В целом к потерям от риска можно отнести материальные, идеократические, аксиологические, трудовые, финансовые, временные, валеологические, атрибутивно-символические, а также ущерб природе.

Выявление риска может осуществляться различными методами: от сложного вероятностного анализа в моделях исследования операций до интуитивных догадок. Выявление риска – это определение качеств-

венным или количественным способом величины, степени риска.

Степень риска – это вероятность наступления случая потери, а также размер возможного ущерба от него» [11].

При оценке степени риска альтернативных моделей молодежной политики может применяться интегративный способ, состоящий из количественной, качественной и аксиологической оценок каждого варианта. Однако следует иметь в виду, что на оценку риска влияет вероятность совпадений нескольких благоприятных и неблагоприятных обстоятельств. Качественная оценка риска предполагает сравнение вероятных практических выгод и возможных негативных психологических, нравственных, экологических, демографических и других последствий, которые могут наступить при реализации программы, проекта в области молодежной политики. Она позволяет выделить проекты с рациональным (обоснованным) риском и с нерациональным (необоснованным) риском.

Риск может иметь математически выраженную вероятность наступления потери, которая опирается на определенные статистические данные и может быть рассчитана с достаточно высокой степенью точности. Чтобы количественно определить величину риска, необходимо знать возможные последствия какого-нибудь отдельного действия и вероятность самих последствий. Вероятность означает возможность получения определенного результата.

Снижение риска может осуществляться агентом социализации, субъектом молодежной политики в двух направлениях: не допустить риск и смягчить последствия.

Отказаться от риска можно как на стадии подготовки молодежного проекта, так и на стадии его принятия. Это позволяет полностью избежать возмож-

ных потерь неопределенности, но с другой стороны, не позволяет получить тот объем результатов, который связан с рискованной деятельностью. При этом учитываются следующие моменты:

1. не всегда удается избежать риска;
2. уход от одного вида риска может привести к возникновению других рисков;
3. возможный объем положительных результатов при реализации принятого решения может значительно превышать потери в случае наступления рисковой ситуации, связанной с данным решением.

Поэтому более актуальной является деятельность, связанная со снижением риска, без отказа от сути реализуемой модели. В настоящий момент положительно себя зарекомендовали следующие методы снижения риска в области молодежной политики:

- «диверсификация» риска, т.е. распределение риска между агентами социализации, субъектами молодежной политики (МП) путем принятия коллегиального рискованного решения (подробнее о понятии молодежная политика см. [32-33]);
- передача риска другому субъекту государственной молодежной политики (ГМП) – как рангом выше, так и рангом ниже;
- принятие постановлений, распоряжений, инструкций, обеспечивающих эффективную реализацию программы ГМП.
- страхование риска, т.е. создание страховых резервных фондов, которые могли бы полностью или частично компенсировать возможные потери и негативные явления при реализации проекта, программы МП;
- применение адаптивных технологий в случае, если программа изобилует инновациями [12];
- проведение социологических исследований перед раз-

работкой программы, проекта, а также перед его принятием и уже в процессе реализации (с использованием динамического либо конкурентного мониторинга);

- использование механизма обратной связи и обеспечение поддержки со стороны тех социальных групп и категорий молодых людей, которых может затронуть данный проект или программа.

Учитывая названные методы управления риском, необходимо добавить ряд следующих моментов.

В процессе подготовки и принятия молодежных проектов очень важно обратить внимание на то, что для каждой отдельно взятой категории молодежи степень риска одного того же проекта может быть различной, так как их интересы дифференцированы, причем уровень дифференциации характеризуется перманентной динамикой роста. В связи с этим некоторые ученые считают, что, поскольку в современном мире параметры единства, целостности молодежи как социальной группы теряют свою определенность, то исчезает и само понятие молодежи, как некогда единой социально-демографической категории. В частности, указанной точки зрения придерживаются американские социологи М. Байзerman и Д. Магнусон [13]. В данных условиях приоритетом в выборе альтернатив для своих интересов обладают те категории молодежи, которые наиболее близки к элитарным структурам. Их отношение к интересам других категорий молодежи нередко формируется с позиции принятия альтернатив с высокой степенью риска наступления неблагоприятных последствий для этих групп; в отношении к своим интересам – с позиции низкой степенью риска. Однако, в ситуации, когда субъекты молодежной политики должным образом не учитывают соотношение различных видов интересов, интересы со-

циальных низов ущемляются или игнорируются, возрастает хаотичность общественного развития, стихийность социальных процессов, что создает объективную основу для возрастаания риска в процессе социализации и наступления неблагоприятных последствий для всех категорий молодежи, являющихся субъектами молодежной политики.

Другие исследователи утверждают наличие в современном обществе особой категории «молодежи и подростков группы риска», подчеркивая специфические черты данной поколенческой когорты.

Так, по мнению Г. Ф. Кумариной, группу риска представляют субъекты социализации, которые, не обнаруживая классических форм аномалий развития, имеют в силу различных причин биологического или социального свойства парциальные недостатки, обуславливающие трудности их воспитания, провоцирующие повышенный риск дезадаптации [14].

У Беличевой С. А. к «группе социального риска» относятся подростки с различными формами психической и социальной дезадаптации, выражающейся в поведении, неадекватном нормам и требованиям ближайшего окружения, которое выполняет функции институтов социализации [15].

Т. И. Шульга, В. Слот, Х. Спаниярд считают, что к «группе риска» следует отнести индивидов, чья первичная социализация осуществлялась без института семьи [16].

Б. А. Куган относит к группе социального риска следующие категории: оставшихся без попечения родителей; со специальными нуждами, т. е. отклонениями в физическом и психическом развитии; с девиантным поведением [17].

Еще меньше определенности вносит в определение феномена «группы риска» Е. А. Ямбург полагая, что к ней относятся следующие категории учча-

щихся:

- с несформированностью предпосылок школьной деятельности;
- не готовых к школьному обучению;
- с несформированной произвольной деятельностью;
- с нарушением работоспособности и повышенной утомляемостью;
- с отставанием в развитии когнитивных функций;
- с ярко выраженной педагогической запущенностью;
- с личностными проблемами;
- с повышенной тревожностью;
- с эмоциональными расстройствами;
- гиперактивных с нарушениями поведения;
- социально дезадаптированные [18].

Н. Л. Пономарев относит к атрибутам риска в процессе социализации эмоциональную неустойчивость, отсутствие волевых качеств, слабую нравственную воспитанность, признаки дезадаптации [19].

Т. М. Гладий утверждает, что особенности подростков «группы риска» связаны с их повышенной чувствительностью к деструктивным социальным процессам, это приводит к их уязвимости и ранимости, высокому уровню агрессивности и враждебности, а также их неспособностью ориентироваться в социальных отношениях, принимать нормы и требования коллектива [20].

По мнению Коджаспировой Г.М., Коджаспирова А.Ю. «подростки «группы риска» – подростки с различными формами психической и социальной дезадаптации, поведением, неадекватным нормам и требованиям ближайшего окружения [21].

По В. Л. Савиных, «подростки «группы риска» - категория подростков, имеющая в силу разных причин физические, психические, интеллектуальные отклонения в поведении и, находящиеся в особо трудных условиях в плане своего про-

фессионального самоопределения» [22].

Кроме того, существует множество других подходов к выявлению сущности социализационного риска, в которых выделяются его важные элементы, черты и свойства. Однако не одно конкретное определение не охватывает всего содержания понятия «риск» применительно анализу различных аспектов социализации, характеризующих специфику современного общества. Однако, зададимся вопросом, насколько корректно само понятие «группа риска», в условиях неопределенности «футурологического шока» (А.Тоффлер), «социальной аномии» (Э.Дюркгейм), неврогенной Западной культуры (К.Хорни), массового «бегства от свободы» (Э.Фром), и может быть уместнее будет говорить не о группе (или группах) риска, а о современном, технотронном обществе (З.Бзежинский), как об обществе тотального риска, индуцирующего перманентный риск во всех без исключения стратах молодежи в процессе их интеграции в социум?

В своей работе «Последствия модернизма» социолог Э. Гидденс соотносит современность с периодом модернизации. «Модернизм, - по мнению Гидденса, - двойственное явление. Он беспрецедентным образом смел все традиционные типы социального порядка. Развитие современных социальных институтов и их мировое распространение дали широкие возможности человечеству наслаждаться безопасностью и вознаграждением за существование. Однако модернизм обладает и другой стороной, со всей очевидностью проявившейся в XX веке» [23]. Это отчуждение, бедность, рост преступности, загрязнение окружающей среды.

Аналогичный подход к современному обществу характерен и для У.Бека, исследовавшего связь модернизации и риска в книге «Общество риска: на

пути к новой современности» [24]. Поставив цель проанализировать природу постиндустриального общества, он выдвигает идею общества риска.

В отличие от Гидденса, стоящего на том, что элементы снижения риска в основном перевешивают новые риски, Бек утверждает, что сама современность представляет главную угрозу обществу.

В соответствии с видением Бека производство и распределение богатства уступает место производству и распределению рисков и угроз. На этой стадии анализа формулируется его более квалифицированное определение риска как систематическое столкновение с угрозами и незащищенностью, вызванными и представленными самой модернизацией» [24.,p.21].

В условиях современного общества «диффузия риска, - пишет Бек, - происходит вне зависимости от власти и благополучия, хотя риск и концентрируется в слабых, социально не защищенных слоях. Но, даже богатые и обличенные властью не застрахованы от рисков. Поэтому рискованная позиция, делает вывод Бек, «не является автоматически отражением места, занимаемого группой в социально-классовой структуре общества. Напротив, риск становится всеобщим явлением, пронизывающим всю классовую структуру» [24, p.37-39]. Обобщая подход У. Бека, известный российский социолог О. Яницкий выделяет следующие признаки перехода к обществу риска:

- производство и распространение рисков становятся всепроникающими, в равной мере охватывающими природу, социум и искусственные системы;
- современные риски трудно предсказуемы, плохо поддаются калькуляции и, как правило, безадресны, т.е. не имеют четко обозначенного субъекта ответственности;
- общество все менее

способно поддерживать системы жизнеобеспечения, поскольку его рефлексивная способность ослаблена, а жизненная среда из нейтрализатора риска превращается в его генератор и распространитель;

- вследствие накопления рисков в среде обитания человека настоящее все более детерминирует будущее;
- производство рисков все более вытесняет производство благ (знаний, товаров, услуг) [25].

Р. Мертон связал в своей концепции социализационные риски с феноменом социальной аномии. По Мертону, аномия - результат несогласованности, конфликта между разными элементами ценностно-нормативной системы общества, между культурно предписанными всеобщими целями и законными, институциональными средствами их достижения. На уровне индивидуального поведения аномия проявляется как структурно заданная ограниченность возможных выборов. Когда структура возможностей расходится с нормативной структурой, риск в процессе социализации существенно возрастает, поскольку разные люди имеют неравный доступ к «институализированным средствам» достижения культурно одобряемых целей. Типы индивидуальной адаптации к структурной аномии Мертон классифицирует, основываясь на различии «культурных целей» (ценностей, предписываемых культурой) и «институциализированных средств» (норм) [26].

Американский социолог Б. Тернер констатируя процесс глобализации риска в постиндустриальных системах, особо подчеркивает, что «риски возникают из самого процесса производства богатства, представляя угрозу для всей системы человеческих сообществ» [27]. Если предшествующие общества полагались на традиционные социальные нормы, в частности, образцы семейных отношений и

гендерных ролей, то развитие общества риска радикально изменило природу социальной структуры, роль и значение социальных классов, семьи, гендерса, института брака, профессий и т.д. В итоге на смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализация. «Общество риска, - пишет Тёрнер,- ассоциируется с новыми формами индивидуализма, в основу которых ставится собственное "Я" и собственные интересы».

Индивидуализация в обществе риска представляет собой триединый процесс, который характеризуется:

1. либерализацией, понимаемой как освобождение от традиционных ограничений, накладываемых классовыми, семейными и т.д. рамками;
2. отчуждением, наступающим в результате потери традиционного общества;
3. реинтеграцией, основывающейся на новых типах обязательств.

В процессе индивидуализации задействованными оказываются как объективные (жизненные ситуации), так и субъективные (сознание, идентичность, персонализация) аспекты. При этом индивидуализация рассматривается как детерминанта возрастания риска.

Э. Фромм затрагивает риски в процессе социализации, как следствие отказа человечества от свободы, в таком подходе, характерном в целом для критической теории социализации Франкфуртской школы, сама рациональность науки, техники рассматривается как орудие цивилизованного рабства навязываемого человечеству «золотым миллиардом».

Фромм называет четыре негативные формы социализации, получившие широкое распространение в современном обществе (мазохизм, садизм, деструктивизм, конформизм) и лишь одну позитивную форму – любовь. В соответствии с ними, возникают пять способов адап-

тации к социуму: рецептивный, эксплуатирующий, накопительский, рыночный и продуктивный.

В качестве же первопричины возрастания рисков в процессе интеграции в постмодернистское общество рассматриваются взаимосвязанные процессы социального отчуждения и экзистенциональной дихотомии. Причем, экзистенциальная дихотомия проявляется тройным образом:

1. Дихотомия жизни и смерти (зачем стремиться к чему-либо, если конец один — смерть?; если жизнь конечна, то какой в ней смысл?).

2. Дихотомия человеческих способностей и реализованного в действительности (рождение не есть биологический акт, это начало пути к самораскрытию, самоусовершенствованию). А это значит, что многие, если не большинство, так и умирают, не родившись).

3. Дихотомия одиночества и соотнесения с другими людьми.

Важной проблемой, которую рассматривает Фромм, является отчуждение. Как только человек обрывается свои естественные связи с природой, он вступает в длительную историческую полосу социального отчуждения, причем в современном обществе это отчуждение приобретает тотальный характер. Единственным реальным способом преодолеть тотальное отчуждение, учит Фромм, является Любовь. Отчуждение служит важнейшей причиной рисков в процессе социализации, поскольку именно отчуждение, изолированность индивида в современном обществе обуславливает такое явление, как «бегство от свободы» [28].

Особый аспект социализационных рисков связан с процессами глобализации [29].

Новая технологическая и политическая революция (мегаполисы, вырастающие на развалинах национальных госу-

дарств) влечет за собой новую социальную "революцию", фактически перестановку социальных сил, в особенности рабочей силы. Глобализация с ее механизмами разрушения-сокращения населения, реконструкции-реорганизации влечет за собой перемещение миллионов людей. Преступность приобретает более респектабельный образ. Она не только начала функционировать как современное предприятие, но также глубоко проникла в политические и экономические структуры национальных государств.

Формируются институциональные структуры нового мирового порядка, а армии и национальные полиции трансформируются в службы безопасности, гарантирующие порядок и стабильность в неолиберальных мегаполисах. Стратегия деструкции-сокращения населения и реконструкции-реорганизации помимо всего прочего вызывает трещины и разломы внутри национальных государств. В этом один из парадоксов, глобализация призванная уничтожить границы и объединить народы, она на самом деле множит границы и распыляет народы. С помощью компьютерных сетей финансовые рынки, начиная с валютных бирж, по собственному усмотрению навязывают свои законы и правила всему миру. А глобализация представляет собой тотальное распространение их логики на все стороны жизни. Образно говоря, сын (неолиберализм) пожирает отца (национальный капитал), а попутно происходит трансформация идеологии, при этом Мир превращается в арену «столкновения цивилизаций» [30].

Вообще же процесс поиска молодыми людьми собственных социальных ниш, их продвижение к наиболее привлекательным статусным позициям связаны с риском настолько, насколько рискован любой выбор. Между тем риск выбора по-разному проявляется в обществе относительно стабильном и

кризисном.

В самом деле, в условиях множественности альтернатив естественно возникает риск неудачного выбора, когда социальное продвижение будет не столь успешным, как хотелось бы. В бывшем Советском Союзе эта проблема решалась достаточно успешно путем ориентации молодежи средствами пропаганды на общественные цели, что сужало выбор, но облегчало задачу его реализации.

В стабильном индустриальном обществе расширение моделей жизненных траекторий и сложная задача выбора из обширного числа вариантов, стоящая перед молодежью, поддавалась прогнозированию за счет социальной предопределенности.

Другое дело современное общество, где вариативность выбора в условиях неопределенности ставит молодежь на грань риска.

В этих условиях становится понятна вся условность распространенного сегодня понятия – «группы риска». Ведь каждая социальная группа, каждая страта современной молодежи характеризуется своей во многом уникальной структурой рисков.

Кроме того, выделяя так называемые «группы риска», следует указывать параметры и направленность риска. Для кого именно представляют угрозу те или иные группы молодежи? Для государственных властных структур, олигархов и экономи-

ческой элиты конкретного государства, конкретной страты общества, отдельных социальных институтов, транснациональных структур One World, или же в целом абстрактного чрезвычайно дифференцированного по ресурсам и интересам общества глобального капитализма? Разумеется, источник и характер рисков в каждом конкретном случае будет существенно различаться. Значит, те группы молодежи, которые исследователи обозначают как «группы риска», применительно к одному случаю, в другом случае таковыми не являются. Следовательно, само понятие «группы риска», теряет свою определенность в условиях перманентно возрастающей тенденции к дифференциации и усложнению социальных структур современного общества, а значит речь корректнее вести не о молодежи и подростках, представляющих условны «группы риска», а о современном обществе, как обществе риска.

Причем, специфика социализационных рисков современного российского общества, в отличие от стран Запада, обусловлена не вариативностью, а вынужденной альтернативностью, чреватой экстремальными последствиями. Поэтому риск в российском обществе большей частью имеет бинарный характер, предполагая полярные результаты: или реальные дивиденды, или тотальное поражение.

Таким образом, фактическая

ограниченность возможностей самореализации современной российской молодежи в отсутствие общественных целей и критериев развития обусловила особенность интеграционной модели в основании которой лежит вынужденный, лишенный полутонов выбор между конформизмом, т.е. самоутверждением в институциональных, социально одобряемых формах, и полной самоидентификацией в рамках молодежной субкультуры или делинквентных инноваций [31].

Следовательно, основной риск для российского общества наблюдается как раз в том случае, если молодое поколение конформно интегрируется в наше «больное», не вышедшее из социальной аномии общество и воспроизводит его во всем многообразии негативных проявлений. В то же время дистанцирование молодежи от деструктивных отношений скорее бы способствовало оздоровлению общества. Не все типы интеграции однозначно позитивны для общества с точки зрения его выхода из кризисного состояния. Пример интеграции в российском обществе риска показывает ее обратный эффект, выраженный в умножении негативной энергии деструктивных процессов, не угаивающих, а наоборот, зачастую воспроизводящихся и усиливающихся группами конформной молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989. – С. 17-19.
2. Павлова В.В. Социальный риск в агросфере // Социс. – 1993. - № 10 – С. 81.
3. Социологический энциклопедический словарь. – М.: Изд – ая группа Инфра-М – НОРМА, 1998. – С. 305
4. Балабанов И.Т. Риск - менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 1996. – С. 21.
5. Юкаева В.С. Управленческие решения. – М.: Изд. дом «Дашков и К», 1999. - С. 189.
6. Пригоzin A.I. Социологические аспекты управления. – М.: Знание, 1974. - С. 96-97.
7. Социальные технологии. Толковый словарь. М. – Белгород: Изд-во «Луч» – «Центр социальных технологий», 1999. – С. 156.
8. Политология. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Publishers», 1993. – С. 341.
9. Солнышков Ю.С. Обоснование решений: (Методологические вопросы). – М.: Экономика, 1980. - С.94-95.

10. Юкаева В.С. Управленческие решения: Учеб. пособие. – М.: Изд. дом «Дашков и К», 1999. – С.191.
11. Балабанов И.Т. Риск – менеджмент. М.: Финансы и статистика, 1996. – С.31.
12. Шпак Л.Л. Социальные технологии: понятие и практическое применение. – Кемерово, 1994. – С. 48.
13. Baiserman M., Magnuson D. Do we still need youth as a social stage? // Yjung: Nordic Journal of Youth Research. – 1996. - № 4/3. – Р. 59.
14. Кумарина Г. Ф. Состояние риска в развитии ребенка: актуальные проблемы педагогической диагностики, профилактики и коррекции // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социальное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь». - М., 1998. - С. 28-30.
15. Беличева С. А. Превентивная психология. – М., 1994. – 418 с.
16. Шульга Т. И., Слот В., Спаниярд Х. Методика работы с детьми «группы риска». – М.: Изд-во УРАО, 2001. – С. 2.
17. Куган Б. А. Социально-трудовая адаптация детей группы социального риска. – Курган – Челябинск, 1995. – С. 3-4.
18. Ямбург Е. А. Школа для всех: Адаптивная модель: (Теоретические основы и практическая реализация). – М.: Новая школа, 1997. – С. 68.
19. Пономарев Н. Л. Формирование у подростков группы риска «барьера» к отрицательным влияниям среды как средство предупреждения педагогической запущенности: Автореф. дис. канд. пед. наук. – Пермь, 1999. – С. 25.
20. Гладий Т. М. Организационно-педагогические условия подготовки подростков «группы риска» к социально-профессиональному самоопределению (на примере общеобразовательной реальной школы): Дис. канд. пед. наук. - М., 2001. - С. 37.
21. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. – М.: Академия, 2001. – С. 36.
22. Савиных В. Л. Теория и практика управлеченческого содействия профессиональному самоопределению подростков группы риска: Дис. ... д-ра пед. наук. – Курган, 2000. – С. 70.
23. Giddens, A. The Consequences of Modernity. New York, 1999. Р.4 -7.
24. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity. Р. 9-10., Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000
25. Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска // Социология и общество. Тезисы докладов Первого Всероссийского Социологического конгресса. СПб, 2000. – С.4.
26. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М., 1966. – С. 299-313.
27. Turner, B. S. Orientalism, postmodernism and globalism. London and New York, Routledge, 1994. Р.179.
28. Фром Э. Бегство от свободы. М., 1995. – С.126 -140.
29. Бобков Ф.Д., и др. Современный глобальный капитализм. – М.: Олма-Пресс, 2003. – С.11-29.
30. Huntington S. The Clash of Civilizatations and Remaking the World Order. Simon & Schuster. N.Y., 1996. Р.3-25.
31. Чупров В.И. и др. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2003. – С. 128.
32. Чирун С.Н. Теоретико-прикладные аспекты формирования молодежной политики // Вестн. КузГТУ, 2002.- №6.- С.110-119.
33. Чирун С.Н. Молодежная политика в регионе: пути оптимизации, методология // Вестн. КузГТУ, 2004.- №1.- С.133-140.

Автор статьи:

Чирун

Сергей Николаевич

- канд.соц.наук, доц. каф. социологии
политических отношений и права